

С. В. Бандура, В. Э. Шарапов

Этнокультурные заимствования в контексте истории советских принудительных миграций 1930–1950-х годов (по материалам экспедиции немецкого культурно-делового центра Республики Коми на Среднюю Печору)

Бандура Светлана Владимировна, Национальный музей Республики Коми (Сыктывкар), директор, кандидат исторических наук; s.bandura@mail.ru

Шарапов Валерий Энгельсович, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; sharov.valery@gmail.com

Район Средней Печоры представляет интерес в контексте изучения изменения этнокультурного ландшафта в XX в. Заселенная коми-зырянами еще в XVII–XIX вв. территория в XX в. претерпела значительные демографические изменения. Интенсивное экономическое освоение этого региона в советский период привело к размыванию этнолокальной идентичности как коренного коми населения, так и многонационального, которое сформировалось в 1930–1960-е гг. Волна принудительных миграций 1930–1950-х гг. в форме раскулачивания, спецпереселения, депортации за короткий срок создала принципиально новую этническую ситуацию с многонациональным и разноконфессиональным составом. Наблюдалась утрата коми населением старобрядческих традиций. Вероятно, по причине изменения состава населения в ходе принудительных миграций и политики привлечения вольнонаемной рабочей силы во второй половине XX в. произошло нивелирование этнической идентичности, что зафиксировано в интервью как позиционирование себя «частью многонационального советского народа».

Изучение условий жизни российских немцев на Средней Печоре (Вуктыльский р-н Республики Коми) рассматривается в контексте сложившейся этнокультурной и этноконфессиональной ситуации. Собранный в ходе экспедиции 2018 г. аудио- и визуальный материал имеет историко-культурную и этнографическую специфику. Основными лини-

ями интервьюирования стали сюжеты, связанные с вопросами идентичности потомков российских немцев и других опрошенных представителей местного населения, сохранением/утратой традиций, межнациональными отношениями (смешанные браки, взаимопроникновение культур). Полевые материалы позволяют охарактеризовать некоторые особенности этнокультурных и межэтнических процессов в бассейне реки Печора в XX в.

Ключевые слова: Средняя Печора, принудительные миграции, этнокультурные взаимосвязи, российские немцы, Коми.

Изучение условий жизни российских немцев на Средней Печоре (Вуктыльский р-н Республики Коми) осуществлялось в ходе экспедиции в рамках проекта Немецкого культурно-делового центра Республики Коми с 27 июня по 5 июля 2018 г. Проект направлен на сохранение исторической памяти о спецпоселенцах-немцах, актуализацию самоидентичности российских немцев в исторической ретроспективе путем изучения современных реалий в местах прошлого и нынешнего компактного проживания, сбор информации о межэтнических отношениях. Маршрут экспедиции: Сыктывкар – Ухта – Подчерье – Кырта – Усть-Соплеск – Усть-Воя – Вуктыл – Сыктывкар. Исследуемые населенные пункты: Подчерье, Кырта, Усть-Соплеск, Усть-Воя – относятся к району Средней Печоры. Передвижение между пунктами осуществлялось преимущественно водным транспортом по р. Печоре. Топография экспедиции была расширена несколькими населенными пунктами по ходу следования: м. Боярский Вис (Боярский Яг), д. Солдат, Усть-Щугор. В интервью зафиксированы уже несуществующие населенные пункты, связанные с историей спецпоселенцев: Горт-Ёль, Андроново, Петельдино, Красный Яг, Большой Усть-Соплеск, Роши-Шор, Пиня-Из.

Район Средней Печоры представляет интерес в контексте изучения изменения этнокультурного ландшафта в XX в., этнокультурной и этноконфессиональной ситуации. Территория, заселенная коми-зырянами еще в XVII–XIX вв., в XX в. претерпела значительные демографические изменения. Интенсивное экономическое освоение этого региона в советский период привело к размыванию этнолокальной идентичности как коренного коми населения, так и многонационального населения, которое сформировалось в 1930–1960-е гг. Волны принудительных миграций 1930–1950-х гг. в процессе раскулачивания, спецпереселения, депортации за короткий срок создали принципиально новую этническую ситуацию с многонациональным и разноконфессиональным составом. Наблюдалась утрата коми населения старообрядческих традиций. Вероятно, по причи-

не изменения состава населения в ходе принудительных миграций и политики привлечения вольнонаемной рабочей силы во второй половине XX в. произошло нивелирование этнической идентичности, что зафиксировано в интервью как позиционирование себя «частью многонационального советского народа»: «В интернате учились, насчет наций все спокойно было, и в армии все нормально было. Не чувствую себя немцем, мать хохлушка была, родился в коми. <...> Есть справка о реабилитации, что были репрессированы по национальному признаку. У меня нет планов поехать в Германию. Я даже обижался, что брат уехал. <...> Нет никакой национальной принадлежности – интернационал. <...> Отец знал немецкий. Я, когда пацаном был, отец хотел научить, а я что-то не очень хотел»¹.

Спецпереселенцами именовались граждане, ограниченные в гражданских правах и выселенные в рамках репрессивной политики государства в административном порядке с мест постоянного проживания в ходе массовых насильственных (принудительных) переселений в отдельные районы страны в 1930–1950-е гг. Спецпереселенцы немецкой национальности в Коми АССР переселились в составе трех основных потоков: первый – в 1930–1931 гг., «бывшие кулаки», трудпереселенцы; второй – в 1941–1942 гг., эвакуированные из Карело-Финской ССР, трудпереселенцы; третий – в 1944–1946 гг., спецпереселенцы-немцы (репатриированные). В 1930–1950-е гг. немцы были самой многочисленной категорией спецпереселенцев: в 1930–1932 гг. российские немцы, высланные из Поволжья, составляли вторую по численности этническую группу спецпереселенцев после русских; в период войны трудпереселенцы немецкой национальности были мобилизованы в «рабочие колонны» на лесозаготовки и стройки (исправительно-трудовые лагеря); спецпоселенцы-немцы позже всех остальных были освобождены от административного надзора (1964 г.) и получили разрешение на поселение в других районах страны (1972 г.)².

Записанные интервью свидетельствуют о сохранении памяти о пребывании спецпоселенцев-немцев и представителей других национальностей (эстонцев, литовцев, латышей, финнов, румын, молдаван) в изучавшихся населенных пунктах. Относительно немецкой национальности в воспоминаниях присутствуют некоторые маркеры этнической идентичности (аккуратность, основательность, пунктуальность, соблюдение традиций): «Он порядок любил, они в Воркуте тогда еще жили, мы к ним приезжали. Традиция была – воскресные обеды, чтобы вся семья собиралась. Мама вспоминала, что если пообещал, то сделает – обязательный был»³; «Вильгельм очень чистоплотный, аккуратный был. Он всегда говорил, когда

кушать сготовите, тряпочку возьмите и протрите кастрюли, чтобы грязь в еду не попала. В костюме таком ходил. Жена – красивая, кудри сделаны, платье»⁴; «Были у нас [в Лёмтах] немочки-нянечки молоденькие. Они не умели по-русски, а мы вообще ничего не говорили... 47-й год, после войны. Игрушки были тряпочные, голыши. Я, когда сюда [в Кырту] приехала, все на немецком разговаривала, потом забыла. Помню, в беленьких косыночках они ходили и в беленьких халатах, аккуратные»⁵; «Где немцы жили, там и аккуратно было, и цветов много. Мама очень любила ночную фиалку, она пахла хорошо. Она стала помидоры здесь растить. Не знаю, где рассаду брала. Коми боялись их [помидоров], думали, что горячие»⁶; «Дома у немцев отличались тем, что цветы разводили. Надо чтобы было чисто, вода принесена, картошка начищена»⁷.

На материалах интервью прослеживаются этнокультурные заимствования в кулинарных традициях, огородничестве, моде, досуге: «Немцы принесли музыку, в клубе ставили постановки, клуб сюда перевезли, хвалили акустику. Быт улучшали. Другие тоже перенимали. Буркардт сагитировал нашего отца свињью завести. Научил коптить. Колбасу делать. А вот грибы они [немцы] не любили. Боялись есть грибы. Мы солили. Ягоды ели они, а грибы нет, отворачивались. Капусту все квасили. <...> Домке играл на баяне, на танцах играл на цымбале... Зудерман на всех [инструментах] играл, на рояле на сцене, на аккордеоне. <...> Песни пели советские, белорусские, украинские песни, коми мало было, коми, они редко появлялись. Тимушев приехал, жена его с нами разучила песню на коми. Поехали в Щугор на юбилей Савина. Выступали там, местные над нами хохотали»⁸; «Что интересно, фабричный поселок, бараки были, а летом-то жарко, немцы дружно во дворе поставили большой навес, а там большая печка, да обложена кирпичом, и хозяйки готовили там все. Детвора пробежит, и угощали. Никогда не слышала, только при них – рулет. Наши-то булочки пекли, шаньги, рагули (бабушка говорила), а у них было принято – рулет с начинкой, то из мака, из какао, с повидлом. Рулет, это они в Вою [Усть-Вою] привезли. Это после 55 года. <...> В доме аккуратно, всё чисто. Больше появилось цветов. У нас-то всё герань была, да летом красный корень, однолетние. Появились цветы и на улице, и подоконниках, комнатные. Привезли с собой перины, им видимо позволили вещей взять, одевались по-другому, дома все в передничках, переднички с кружевом, а наши-то, попроще фартуки. Швейные машинки были. У нас были портнихи Егорова, Панкратова. Наша мама рабочую одежду шила. Немцы более модельные вещи шили. Выкройки были, в сундуке на дне лежали у мамы»⁹; «Мы

отмечаем и Рождество, и Пасху: и немецкую, и православную. Посидели, выпили, пообщались. На немецкое Рождество я один отмечаю. На Пасху яйца красят, и куличи делают, как положено. Когда родители были живы, всегда у них праздники отмечали. Мама шаньги пекла из белой муки. Немецкие блюда не помню. Мать-то хохлушка, она на стол готовила»¹⁰.

Примечательно, что потомки спецпереселенцев, не коми по происхождению (раскулаченные донские казаки, русские старообрядцы из Архангельской обл.) сохраняют память о «печорских староверах», формируют свою идентичность через подчеркивание сопричастности к духовному наследию уже ушедших коми-старообрядческих наставников: «Ерогодские – местная фамилии, старообрядческая. Домна Евсеевна-то, бабушки собирались. Я старообрядка, муж православный. Она молодая была совсем... Часть были староверы, часть православные»; «В Вое [Усть-Вое] у деда Шубина собирались по праздникам, и из Соплеска, и из Щугора приезжали, там жили и собирались, там моленная была. И в 60–70-е гг. никто нам не запрещал. Наталья Ивановна [проводник] добавила: мы детьми были, с бабушкой и мамой туда ходили, какие-то молитвы запомнили, но специально никто не заставлял... У всех елку ставили, а у нас пост рождественский. У старообрядцев нельзя. Мы сами табуретку перевернем, веник привяжем и вот у нас елка, Новый год. А по воскресеньям воскресники устраивали, мама расстраивалась, что приходилось [детям] на воскресник выходить. Сталина антихристом назвала. На три дня посадили. Она староверка – Евдокия Михайловна»¹¹. Этноконфессиональные традиции влияли на коммуникации: «Немцы больше общались с эстонцами, финнами. С Кошелевым дружили, он из Карелии. Больше по вере как-то. Много здесь из тех краев было, и латыши, литовцы, и украинцы, и белорусы, и молдаване. А они как-то своим кругом больше общались. По вере. Это одобрялось»¹². Потомки донских казаков-староверов, попавших на Среднюю Печору как раскулаченные, переняли некоторые гастрономические традиции коми: «Я очень люблю коми блюда и готовлю их, первое – суп у них варится из дичи с крупной перловкой, все это протушивается. Называется шит. Потом еще пареная репа. Еще из черемухи делается ляз. Черемуха тушится, косточки отсоединяются. Получается ляз. Вместо повидла. Рыба по коми. Рыба тушится с большим количеством лука-турун. Они [коми] называют лук-турун, лук-сено. Сейчас и с обычным луком делают. Я лук-турун привезла с реки Подчерем, посадила в огороде. Он и на зиму засаливается»¹³.

Собранные материалы подтверждают, что принудительные миграции советского времени стали основой этнокультурных заимствований на Средней Печоре (ныне Вуктыльский р-н Республики Коми).

¹ Полевые материалы автора (далее ПМА), 2018. Инф. Керш Н. В., 1950 г.р., с. Кырта, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

² Н. М. Игнатова. Спецпереселенцы-немцы в Республике Коми в 1930–50-е гг.: численность, размещение, трудоустройство//Покаяние: Мартиролог. Т. 10. Ч. 1. / Сост. М. Б. Рогачев. Сыктывкар, 2013. С. 20,55.

³ ПМА, 2018. Инф. Шурычева О. И., с. Подчерье, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

⁴ То же.

⁵ ПМА, 2018. Инф. Венскель Т. П., 1947 г.р., с. Кырта, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

⁶ ПМА, 2018. Инф. Фотт (Терзи) Н. Н., 1955 г.р., п. Усть-Соплеск, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

⁷ То же.

⁸ ПМА, 2018. Инф. Михайлова А. А., 1937 г.р., п. Усть-Соплеск, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

⁹ То же.

¹⁰ ПМА, 2018. Инф. Керш Н. В., 1950 г.р., с. Кырта, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

¹¹ ПМА, 2018. Инф. Михайлова А. А., 1937 г.р., п. Усть-Соплеск, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

¹² То же.

¹³ ПМА, 2018. Инф. Шурычева О. И., с. Подчерье, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

UDC 316.728; 94(470.13)

S. V. Bandura, V. E. Sharapov

Ethno-Cultural Borrowings in the Context
of Soviet Forced Migrations of the 1930–1950s
(Following the Expedition by the German Culture
and Business Center in the Komi Republic
to the Middle Pechora Basin)

Bandura Svetlana Vladimirovna, The National Museum of the Komi Republic (Syktyvkar), director, Ph. D. (History); s.bandura@mail.ru

Sharapov Valery, The Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar), leading research fellow, Ph. D. (History); sharapov.valery@gmail.com

The Middle Pechora area is interesting for studying ethno-cultural landscape changes that took place in the XX century.

The area, populated by the Komi-Zyryans back in the XVII–XIX centuries, went through a lot of demographic changes in the XX century. Intense economic development of the region in the soviet period diluted the ethno-local identity both of the aboriginal Komi population and of the multi-ethnic one that formed there in the 1930–1960s. A wave of forced migration in the 1930–1950s: de-kulakisation, special settlements, deportations, quickly established a new ethnic landscape there, with multiple ethnicities and confessions. The Komi population started losing their Old Believer traditions. Probably as a result of ethnic make-up changing due to the forced migration and the hired manpower policy of the latter half of the XX century, ethnic identities weakened, which was reflected in the interviews where respondents positioned themselves as “a part of multi-cultural soviet people”.

The paper studies Russian Germans’ living conditions at the Middle Pechora (Vuktyl’sky District, Komi Republic) in the context of the new ethno-cultural and ethno-confessional make-up. The video and sound materials collected during the 2018 expedition are specific for history, culture and ethnography. The main interviewing vectors were the narratives related to the identities of the Russian Germans’ descendants and other locals, their traditions being preserved or lost and inter-ethnic relations (intermarriages, cross-cultural interactions). The field materials collected make it possible to define some of the features of the ethno-cultural and inter-ethnic processes that took place in the Pechora River basin in the XX century.

Keywords: the Middle Pechora, forced migrations, ethno-cultural relations, the Russian Germans, the Komi.